

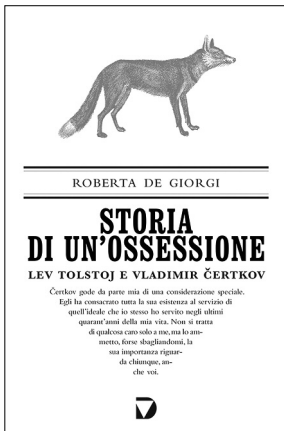
Одержимость во имя ненасилия

DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_433

De Giorgi R. Storia di un'ossessione: Lev Tolstoj e Vladimir Čertkov.

Roma: Del Vecchio, 2022. — 540 p. — (L'anima e le forme).

В последнее время в Италии в силу сложной и постоянно меняющейся международной обстановки наблюдается растущий интерес к изучению последствий, к которым ведет насилие на историко-социологическом, экономическом, политическом, экологическом, психологическом и культурном уровнях, а также к поиску способов ему противодействовать. В этом контексте все чаще выходит на первый план пацифизм — он становится темой конференций, семинаров и публикаций, рассматривающих ненасильственный ответ как идею и *habitus*¹. Здесь следует отметить и вклад итальянских гуманитариев, которые в сотрудничестве с зарубежными коллегами и представителями негуманитарных наук изучают пацифизм как лейтмотив биографии и творчества тех, кто сделал ненасилие своим жизненным принципом. При этом взгляд ученых все чаще обращен в сторону России: наблюдая за всем происходящим, необходимо помнить, что именно здесь зародилось пацифистское движение — благодаря прежде всего роли Льва Толстого, его мысли и творчеству, верности принципу непротivления злу насилием, которые стали источником вдохновения для крупных международных пацифистских движений.

Влияние Толстого на теоретическую формулировку и претворение в жизнь принципов ненасилия, и по сей день служащих для многих ориентиром, стали ключевыми для двух значительных итальянских конференций. Первая — «Лев Толстой и рождение пацифизма в России», организованная славистами Робертой Де Джорджи и Франческой Лаццарин, состоялась 26–27 апреля 2023 г. на кафедре литературы, языков, коммуникации, образования и общества Университета Удине при участии Высшей школы (г. Удине). Диапазон тем был широк: основы, на которых зародились пацифистские движения толстовства (Ирина Гордеева); увековечение наследия толстовского учения о пацифизме детьми писателя (Чинция Кадаманини); события, связавшие писателя с судьбой духоборов (Виктория

Перетицкая). Связь прошлого с настоящим была показана в докладах о пацифистских высказываниях современных поэтов и писателей (Марио Карамитти, Массимо Маурицио), а также музыкальных исполнителей (Франческа Лаццарин). Завершением встречи стала презентация последнего итальянского перевода романа «Война

1 См., например: *Pucciarelli M. Guerra alla guerra: Guida alle idee e alle pratiche del pacifismo italiano*. Milano: Laterza, 2023; *La costruzione della pace. Scritti di politica internazionale* / A cura di B. Bagnato. Firenze: Firenze University Press, 2022; *Resistenza e non violenza creativa* / A cura di L. Tussi. Milano; Udine: Mimesis, 2022.

и мир», выполненного в новом историко-культурном и языковом *milieu*, глубоко изменившемся с тех пор, как вышли предыдущие, авторитетные, но теперь не столь актуальные переводы (Эмануэла Гверчетти).

Вторая конференция — «Современная Россия: *Humanum* в русской культуре между войной и миром» — состоялась 26 мая 2023 г. на факультете философии, коммуникации и исполнительских искусств Университета Рома Тре под председательством директора Межуниверситетского исследовательского центра современной России и ее культурного наследия Адриано Роккуччи. Здесь, в частности, рассматривались отношение Толстого к культуре мира (Роберта Де Джорджи) и дальнейшая судьба последней: в постсоветскую эпоху она стала приобретать антиутопические черты (Донателла Поссамаи), пока не переросла в форму обиды в наше время (Джузеппе Гини).

Все это — злободневные вопросы, интерес к которым был вновь подогрет книгой Роберты Де Джорджи «История одной одержимости: Лев Толстой и Владимир Чертков». Благодаря этому труду восстало из забвения и тьмы предубеждений имя Владимира Григорьевича Черткова (1854—1936), правой руки Толстого, его преданного и до крайности заботливого соратника и друга, крупного толкователя и приверженца толстовства. Вышедшая в серии «*Душа и формы*» («*L'anima e le forme*») независимого издательства «*Del Vecchio*» книга Де Джорджи — это плод многолетних трудов и серьезный вклад в исследование того «долгого, напряженного и в некотором смысле таинственного переплетения дружбы, страсти, литературы и общественного обязательства» (с. 7), каким был союз Толстого и Черткова. Непростые отношения между писателем и Чертковым, которого иногда называют «злым гением гения», были до сих пор предметом лишь скудного числа монографий, уже несовременных и изначально не вполне объективных. Помимо обширной критической литературы, Де Джорджи изучила архивные источники, прежде всего рукописи Черткова, хранящиеся в трех его личных фондах: в отделе рукописей РГБ (ф. 435), в РГАЛИ (ф. 552) и в Государственном музее Толстого в Москве (ф. 60), — чтобы раскрыть роль Черткова в становлении и распространении не только учения Толстого, но и его литературных произведений. Автор показывает, что их союз, изредка омраченный недолгими разногласиями, строился на стремлении воплотить в жизнь толстовское нравственное учение, доминантой которого выступает основанное на христианской идее непротивление злу насилием.

Де Джорджи начинает с биографического портрета Черткова до его встречи с Толстым в конце 1883 г. Это были нелегкие времена для обоих: выстраданные решения, непонимание окружающих, семейные разногласия, чувство одиночества. Образованный, принадлежащий к старейшему русскому аристократическому роду Чертков, оставив военную службу и отказавшись от карьеры гвардейского офицера, решает посвятить себя воплощению в жизнь христианского принципа ненасилия. Опираясь на архивные материалы, часть которых относится к 1930-м гг., Де Джорджи подчеркивает непреложность этого решения. Как пишет Чертков в одной из многих не опубликованных до сих пор автобиографических заметок, в Толстом он нашел «не указание нового для меня пути, но подтверждение того пути — раньше уже открытого мне учением и духовным обликом Иисуса, — по которому я уже наметил направление своей жизни» (с. 29). Таким образом, в основе их союза лежит реальное избирательное сродство: Чертков становится для Толстого достойным собеседником, в определенной мере воплотив в себе образ примерного сына, а сам обретает в писателе смысл существования, претворяя в жизнь учение Христа. Так между ними, всегда разделенными географическим расстоянием, устанавливается двадцатисемилетний эпистолярный диалог, насчитывающий более двух тысяч пи-

сем, которые Чертков бережно хранил, одержимый мечтой (частично осуществленной) опубликовать их.

Вторая глава посвящена первому значительному начинанию Черткова, который в 1884 г., проникнувшись давним желанием Толстого просвещать массы, учреждает (при поддержке Ивана Сытина) издательство «Посредник». Уже тогда он демонстрирует свою одержимость, настойчиво требуя от Толстого написания сочинений, способных раскрыть простому народу смысл евангельского учения, и пользоваться при этом языком, доступным каждому. Здесь Де Джорджи обнаруживает некоторые из черт, которые будут определять союз Толстого и Черткова: первостепенную роль христианского послания, опирающегося на пять «запрещающих» заповедей Нагорной проповеди; непосредственность Черткова-редактора, недовольного якобы двусмысленной моралью толстовских сочинений (так, с дозволения писателя он правит рассказ «Свечка» (1886), делая финал менее кровавым); жадное собирание рукописей Толстого — «пищи для духа» и материала для издателя; наконец, самоотверженность, с которой Чертков отдается работе, не чувствуя себя больше простым посредником.

Однако, как показывает Де Джорджи, поправки и предложения Черткова не всегда принимались Толстым, особенно когда касались художественных произведений. Так, в ответ на предложение изменить в финале драмы «Власть тьмы» (1887) слова Никиты для большей убедительности его раскаяния Толстой обвинил Черткова в идеологической педантичности и невнимании к литературной ценности текстов. Разрываемый между желанием посвятить себя распространению христианских идеалов и тягой к чисто художественному творчеству, Толстой колеблется и в отношении Черткова. Показательна в этом отношении история создания «Крейцеровой сонаты», которой посвящена третья глава. Известно, что именно Чертков попросил писателя сопроводить повесть послесловием, направленным на превознесение подлинного смысла христианского брака. Де Джорджи цитирует несколько неопубликованных писем Черткова, где он старался убедить Толстого отказаться от идеи абсолютного воздержания в браке; она едва ли прижилась бы среди «тех миллионов людей, которые еще не доросли до этой высоты» (с. 136) и которым было бы трудно увидеть себя в образе убийцы Позднышева. Он даже предложил новый финал, содержащий, по его мнению, более соответствующее евангельскому учению моральное наставление: «Полное воздержание лучше всего, но только для тех, кто может вместить его, даруя людям, еще не достигшим духовного совершенства, “нравственное супружество”» (с. 125). Толстой совету не последовал. Напротив, в послесловии с еще большей категоричностью звучит идея абсолютного целомудрия. Чертков не сдается, и даже из ссылки ему удается выпросить у Толстого разрешение на издание сборника по вопросу половых отношений. «О половом вопросе. Мысли Л.Н. Толстого» (1901) — не что иное, как нескладное собрание цитат из прозы, писем, дневников и заметок писателя, которые вместе с полным вариантом послесловия к «Крейцеровой сонате» должны были, по замыслу Черткова, смягчить толстовское отрицание нравственного христианского супружества. Тут же переведенный на английский и французский языки, этот сборник принесет писателю славу скопца, евнуха, и «Крейцера соната» так и не станет «новым манифестом толстовства» (с. 149).

Четвертая глава посвящена механизмам, которые юный друг Толстого задействует сразу же после встречи с ним, стремясь «присвоить» взгляды и мысли великого писателя и одновременно стать главным хранителем всех его рукописей. Одержимый коллекционер, он просит Толстого дать ему доступ к дневникам (которые с 1884 г. он переписывает, тщательно систематизирует и хранит), чтобы чер-

пать из этого источника «духовную пищу»² и иметь материал для создания сборников толстовских мыслей. Чертков мечтает использовать эти рукописи для реализации грандиозного проекта, издания «Свода мыслей Толстого», своего рода антологии религиозно-нравственной мысли писателя, разделенной на тематические группы (весь пятый том всецело посвящен идее непротравления злу насилем). Чертков трудился над этим всю жизнь, так и не добившись полной публикации: выходили в свет лишь отдельные тексты, к которым Толстой относится с равнодушием и скепсисом³.

Далее автор рассматривает пацифистскую деятельность Черткова, которую, вдохновленный Толстым, он начинает в 1893 г. с выступления против гонений на религиозных диссидентов — духоборов, субботников, молокан, штундистов, баптистов и прочих сектантских групп того времени (подробно изученных Де Джорджи, посвятившей им уже несколько публикаций). Преодолев первоначальные колебания, вызванные опасением, что Толстой посвятит им все время и силы (особенно штундистам, которые просят его составить для них катехизис), Чертков присоединяется к делу. Следуя по стопам Толстого, работавшего тогда над трактатом «Царство Божие внутри вас», он устанавливает с сектантами активную переписку с целью создания «своего рода досье, способного пробудить общественное сознание» (с. 204). Он осуждает пытки, которым подвергались отказники по соображениям совести, — в письме Александру III (1893) и статье «Напрасная жестокость» (1896), чем вызывает гнев высших административных, светских и религиозных кругов, уже встревоженных нелегальной циркуляцией упомянутого трактата. В 1897 г. в ответ на ужесточение мер против секты духоборов (отказников по совести, воплощавших в глазах Толстого и Черткова идею «мирного протеста, который мог подорвать нынешний политический и религиозный порядок», с. 244) он подписывает вместе с другими толстовцами воззвание «Помогите!» (Лондон, 1897), изобличающее нехристианские методы российских властей. Реакция царя не заставила себя долго ждать: Чертков отправлен в постоянную ссылку в Англию.

Как подробно рассказывается в шестой главе, по приезду в Лондон Чертков возобновляет издательскую деятельность с целью распространения на Западе творчества и взглядов Толстого, а также укрепления приобретенной за долгие годы роли «доверенного лица, издателя, редактора, переводчика, архивариуса, автора сборников мыслей Толстого» (с. 259). Его восхождение начинается в 1898 г., когда Толстой предоставляет ему права на первое англоязычное издание каждого из своих новых произведений. Чертков начинает собственные периодические издания «Свободное слово» и «Листки Свободного слова», посвящая немало страниц делу духоборов, обличению гонений на них и изложению философско-религиозных идей, разделяемых и толстовцами, — таких, например, как «всеобщее разоружение и пацифизм в международном масштабе» (с. 261). Вместе с Толстым он планирует финансово (и не только) поддержать переселение духоборов.

Официально назначенный Толстым его «единственным представителем» в зарубежных странах, Чертков в 1901 г. расширяет горизонты своей издательской деятельности, основывая «Free Age Press» (FAP), своего рода англоязычное отделение издательства «Свободное слово», в задачи которого входит распространение на Западе публицистических работ писателя. В седьмой главе Де Джорджи на основе архивных документов прослеживает его долгую историю, официально закончив-

-
- 2 Толстой писал, что Чертков буквально пожирал их: «Нынче утром почувствовал, что мне не хочется передавать ему мои мысли именно потому, что он их принимает так жадно. Боязно. Я-то плох. Мне самому нужно питаться ими» (с. 155).
 - 3 Сегодня «Свод...» доступен онлайн: <https://свод-мыслей-толстого.рф>.

шуюся накануне революции. ГАР издает «рассказы писателя нравоучительного, социального и религиозного содержания, многие из которых еще не были опубликованы, призванные укреплять христианскую идею всеобщего братства, к коей должен стремиться каждый» (с. 333) и направленные на распространение «учения о ненасилии со всеми его составляющими» (с. 336). Успех был ошеломительный — во многом благодаря четко выраженной издательской политике: «низкие цены», «массовое распространение» и отсутствие авторских прав, в том числе и на переводы (с. 335—336). Подобные меры вызвали в Толстом двоякие чувства: с одной стороны — признательность другу, радость оттого, что его произведения будут доступны каждому, с другой — неприятие почти диктаторской политики, применяемой Чертковым к переводчикам. Чертков же на компромиссы не идет: теперь он главный представитель толстовства в мире, через которого сочинения Толстого попадают к самому Ганди.

В 1907 г. Черткову разрешают вернуться в Россию. Он принимает активное участие в переработке и публикации новых сочинений Толстого (в том числе статьи «Не могу молчать!» (1908)), продолжает переписывать дневники и письма, собирать и каталогизировать рукописи. На основании внушительного количества источников, большей частью неопубликованных, автор раскрывает решающую роль, которую Чертков играет в многотрудной и даже в чем-то детективной истории составления Толстым завещания, назначившим в конце концов дочь Александру всеобщей наследницей всех своих сочинений, изданных и неизданных, а Черткова — фактическим душеприказчиком литературного наследия, не претендующим ни на какие материальные и личные выгоды. И в этом вновь проявляется двойственное отношение Толстого к другу: нежное благоволение — и болезненное осознание того, что принятое им решение разрушит отношения с женой и семьей.

Влияние Черткова на бегство Толстого из Ясной Поляны в 1910 г. и его непростое положение в последние дни жизни писателя исследуются в девятой главе. Анализ неопубликованных документов и русской прессы, вышедшей в первые месяцы после смерти писателя, дает Де Джорджи возможность беспристрастно взглянуть на вопрос, за долгие годы «окаменевший» в тисках диспута, в котором один лагерь, выступавший на стороне Софьи Андреевны, заклеил Черткова фанатиком, смутьяном и спекулянтом, а другой, вставший на защиту Черткова и большей частью состоявший из толстовцев, увидел в нем праведника, смыслом существования которого была преданность Толстому. Согласно выводу автора, к бегству Толстого подтолкнул не Чертков, хотя это известие и обрадовало его (в чем он простодушно признался в письме к Александре Львовне); вместе с тем справедлив упрек, что он никогда не пытался восстановить мир между супругами, чувствуя и себя потерпевшей стороной в этой истории (с. 446).

Завершается книга главой о деятельности Черткова с 1910 г. После смерти Толстого Чертков занимается распространением его учения: издает журнал «Голос Толстого и единение», учреждает Общество истинной свободы в память Л.Н. Толстого, участвует в деятельности Московского вегетарианского общества. Он даже добивается (благодаря дореволюционным связям с некоторыми марксистами) введения освобождения от военной службы по соображениям совести, то есть практического воплощения в советском обществе (пусть и ненадолго) одного из ключевых принципов учения о непротивлении злу. Но главным делом Черткова остается издание Полного собрания сочинений Толстого — масштабный проект, осложненный циркуляцией рукописей между Историческим музеем, Англией, Тулой и частными архивами (в первую очередь архивом Александры Львовны, с которой Чертков вскоре вступит в конфликт). Проект был реализован — он не прервался даже со смертью Черткова, успевшего отредактировать семьдесят два тома из девяноста.

Сочетание Робертой Де Джорджи внимания к деталям и обобщающего взгляда позволило ей добиться полной и непредвзятой картины отношений Толстого и Черткова — союза, сыгравшего центральную роль в пацифистском движении конца XIX в. Чертков внес вклад и в необычайную плодovitость Толстого на закате эпохи великих романов, сопровождавшуюся экспериментами с гибридизацией народного рассказа и нравоучительного очерка, литературы и социальной критики.

Изображенная на обложке «Истории одной одержимости» лиса представляет собой изысканную отсылку к известной концепции Исаяи Берлина. Воспользовавшись строкой из древнегреческого поэта Архилоха («Лис знает много, еж — одно, но важное»), он характеризовал Толстого как того, кто «по натуре был лисой, но уверен был в том, что он еж»⁴. Для прочитавшего книгу Де Джорджи образ лисы с обложки наполнится новым содержанием: ее изменчивая, гениальная натура кроется в выборе жизненного пути, тесно переплетенного с единственной великой идеей ежа.

4 См.: Берлин И. Еж и лисица: об исторических взглядах Л.Н. Толстого / Вступ. ст., пер. с англ. и публ. В. Сапова // Вопросы литературы. 2001. № 4. С. 139—178.